

Р.Г. Апресян*

ЭТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ А.А. ГУСЕЙНОВА

Автор анализирует эволюцию этических идей в работах А.А. Гусейнова. Он выделяет три этапа в этой эволюции. Первый этап отмечен новым пониманием происхождения морали, сфокусированном на специфических свойствах морали. Второй — связан с интерпретацией морали как меры человечности общественных отношений. Третий этап знаменуется его поворотом к пониманию морали как системы запретов и негативных правил, что получает обобщение в концепции негативной этики.

Ключевые слова: этика, А.А. Гусейнов, золотое правило, негативная этика, историзм, абсолютизм.

R.G. Апресян. Abdusalam Guseynov's ethical evolution

The author analyses the evolution of ethical ideas in Abdusalam Guseynov's works. He distinguishes three stages in this evolution. The first stage was marked by new understanding of the origination of morality focused on specific features of morality. The second one was associated with interpretation of morality as a measure of humanness of social relations. At the third stage Guseynov turned to understanding of morality as a system of prohibitions or negative rules, what was generalized in the concept of negative ethics.

Key words: ethics of Abdusalam Guseynov, the Golden Rule, negative ethics, historicism, absolutism.

История современной отечественной философской этики не отделима от имени Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова. Он вступил в научную жизнь в 1964 г., именно тогда была опубликована его первая научная статья «Проблема происхождения нравственности (на материале развития института кровной мести)» [А.А. Гусейнов, 1964]. К тому времени советская этика уже в общем сложилась на протяжении предшествующего десятилетия как область исследований и университетская дисциплина в каких-то своих первичных, тематически и предметно определенных формах. Но первая статья А.А. Гусейнова, тогда совсем молодого автора, была очевидно неординарной. В ней он предложил новаторский, можно сказать, вызывающе новаторский подход к вполне устоявшейся в условиях существовавшего методологического канона проблеме.

* Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики Института философии РАН, тел.: (495) 627-93-78; e-mail: apressyan@mail.ru

Начинающий автор, наверное, специально не думал о возможных следствиях из своей работы, однако логика его анализа истоков нравственности вела к оригинальным выводам. Исследованием протонравственных нормативных форм А.А. Гусейнов предложил новую точку отсчета в понимании становления нравственности.

В то время преобладающей в этом вопросе была точка зрения, укорененная в известной работе Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Состояла она в том, что мораль формируется в ходе развития первичных форм трудовой деятельности в ответ на порождаемые этой деятельностью потребности; мораль ассоциировалась с сознанием вообще, и ее проявления усматривались в древнейших осознанных действиях первобытного человека, в отличие от инстинктивных действий предчеловека. Неудовлетворительность такого подхода к происхождению морали А.А. Гусейнов совершенно оправданно видел в том, что в нем игнорировалось качественное своеобразие морали и соответственно процессов ее возникновения. А.А. Гусейнов предложил связать выяснение условий происхождения морали с изучением социальной практики, специфичной для первобытной эпохи. В качестве таковой им был избран институт кровной мести в его эволюции в процессе развития и социальной дифференциации первобытного общества. Обобщая наблюдения историков и антропологов, он показал, что изменения в институте кровной мести имели непосредственное значение для формирования того регулятивного механизма, который станет основой морали. Обычай кровной мести в процессе длительного развития архаического общества меняется: возможность полного произвола в его осуществлении уступает место постепенно усиливающимся ограничениям на масштаб ответного возмездного действия. Исторической основой, или предпосылкой, морали является такой регулятивный механизм, посредством которого возникающие конфликты разрешаются на основе равенства, а именно равного возмездия. Так, древний обычай кровной мести принимает форму талиона, в соответствии с которым принцип равенства, равного возмездия выступает жестким ограничителем ответных действий враждующих коллективов и представляющих их индивидов. Кровная месть, конечно, не была единственным проявлением конфликтов в архаическом обществе и не единственной формой регуляции человеческих отношений, как межиндивидуальных, так и межколлективных (во всех их формах). Однако этот обычай показался А.А. Гусейнову столь характерным и ярким, столь типичным для регуляции отношений в архаическом обществе, что он уделил кровной мести наибольшее внимание,

увидев в изменениях способа регуляции именно этого института древнейшего общества, а не в даре, не в благодарности, не в заботе, реальный прототип нравственности с ее требованиями индивидуальной самостоятельности и ответственности. Объект того исследования А.А. Гусейнова — регулятивные механизмы обычаев первобытного и архаического обществ, их изменения в процессе становления и развития цивилизации — предопределили взгляд на мораль как на социальный институт. Поэтому социальная организация, обеспечение социальной дисциплины, регуляция вышли на первый план.

Несколько лет спустя А.А. Гусейнов публикует статью, посвященную золотому правилу, и тем самым буквально открывает для отечественного читателя этот нравственный феномен и эту этико-философскую проблему. При этом надо отметить, что если понимание А.А. Гусейновым действительного значения золотого правила для нравственной культуры человечества могло быть результатом освоения работ немецких авторов, в первую очередь Г. Райнера, то заслуга его осмысления в контексте исторического становления нравственности, тем более в соотношении с талионом, принадлежит исключительно А.А. Гусейнову — о других опытах такого рода, которые были бы отражены в существующей специальной литературе, мне не известно.

Очевидно, что проблематика золотого правила не могла быть уютной и привлекательной для советских исследователей этики. Она выводила на тему универсальности моральных форм, универсальности императивных и ценностных определений морали как таковых. Как и в случае с ранними теоретическими опытами А.А. Гусейнова, последовательное развитие проблематики золотого правила требовало выводов, которые с позиций исторического материализма могли казаться неприемлемыми.

Признание золотого правила в качестве начального пункта в развитии морали требовало бы общетеоретических следствий для концепции морали. Однако они случились не сразу. Вплоть до начала 1980-х гг. А.А. Гусейнов в целом придерживался историко-материалистического понимания морали. Это была утонченная версия этики на базе своеобразно (почти в гегелевском духе) истолкованного исторического материализма: мораль не рассматривалась как функция от налично существующего социального порядка или как часть «надстройки» над производственными отношениями. Она каким-то образом замыкалась на историю, на историческую перспективу и мыслилась репрезентирующей конкретному обществу и эмпирическим индивидам всеобщий интерес прогрессивного исторического развития.

Таково концептуальное ядро, условно говоря, «первой этики» А.А. Гусейнова. Представленное в ней понимание морали я назвал бы *социально-историцистским*. Социальность морали означает то, что ее источник усматривается в историческом развитии общества и общественных отношений, что ее функционирование отвечает потребностям конкретного общества, а не «абстрактного индивида». Историосообразность морали утверждалась в положениях о том, что в морали отражена историческая, она же всеобщая, необходимость. Под историцизмом (по отношению к этике, не путать с историзмом) понимается методология, согласно которой мораль, имея социальное происхождение, развивается сообразно с неким генеральным вектором развития истории, который реально задает как ее содержание, так и ее социальную миссию, смысл функционирования в обществе.

2

В начале 1980-х гг. А.А. Гусейнов внес в свою концепцию морали ряд обновлений. И поначалу они могли восприниматься как частные уточнения. Он оставался на позициях социального и реалистического понимания морали как регулятивного инструмента, действующего в контексте реальных социальных и человеческих отношений.

Но по сути это новая этика. В ней не остается места историцизму, апелляциям к абстрактному всеобщему интересу истории, предположениям о некой ответственности индивида перед историей и т.д. На задний план уходит и прямолинейный социологизм с признанием непосредственной зависимости моральных представлений от конкретных условий жизни общества, отношений классов и т.д. При этом *более* ясно и убедительно проводится принцип историзма в этике: возникновение морали связывается с определенной исторической эпохой, с необходимостью решения специфических социальных и индивидуальных потребностей, с развитием социальных отношений. В морали выделяется гуманистическая компонента, человечность усматривается как на уровне морали в целом, так и в некоторых ее конкретных проявлениях. Мораль предстает как способ внутренней гармонизации самого человека. Мораль характеризует общественные отношения, состояние конкретного общества с точки зрения того, насколько оно адекватно индивидуальному бытию. Но мораль в принципе оказывается возможной в силу того, что присущая человеческому обществу социальность является социальностью особого рода, покоящейся на «абсолютной взаимозависимости» индивидов, приобретающих «качественную определенность, свой человеческий облик и статус лишь

по мере и в процессе того, как завязываются [их] отношения с другими индивидами» [А.А. Гусейнов, 1985, с. 153—154]. Таким образом, характеристика морали как меры человечности общественных отношений становится доминирующей над такими ее характеристиками, как способ примирения сущего и должного, преодоления противоречия между личным и общественным, которые были ведущими в книге «Социальная природа нравственности».

Вообще интересно сопоставить две книги нашего автора — «Социальную природу нравственности», которая является определяющей для его творчества 1970-х гг., и «Введение в этику», задавшую доминанту 1980-х гг. В первой книге, как говорилось, был дан этический анализ талиона и золотого правила, однако концепция социальной природы нравственности была развита в целом помимо знания и понимания, заключенного в этом анализе. Во «Введении в этику» проблематика талиона и золотого правила если и затрагивается, то мельком, но при этом социально-практический характер морали, а это качество представляется А.А. Гусейновым как одно из ключевых для морали, раскрывается сопряженно, хотя и неявно, с золотым правилом и полностью в духе золотого правила. В этом «Введение» сродни Аристотелевым работам по этике: Аристотель вроде бы просто не знает о золотом правиле, однако его этическая мысль в значительной своей части представляет собой развернутую экспликацию логики золотого правила, предполагаемых им позиций, установок, мотивов, зависимостей и отношений. Так и рассуждения А.А. Гусейнова о социальности, индивидуальной стороне общественных отношений как будто бы выведены из формулы золотого правила. Характерно, что в работах этого периода он *почти* доводит — пусть неявно и неартикулированно — свое понимание социальных отношений до отношений межличностного общения, коммуникативных отношений, и моральные отношения уже представлены ассоциированно с дружбой и любовью (правда, философски обобщенной любовью как отношения к другому как к цели самой по себе), что, полагаю, было оборотной стороной признания А.А. Гусейновым индивида в качестве одной из реальных предпосылок и одного из факторов нравственности. Тем не менее золотое правило как таковое не было актуализировано в данном исследовании морали, и причина этого в том, что в своем рассмотрении морали А.А. Гусейнов оставался на уровне общественных отношений, а коммуникативные отношения стремился представить как частность общественных отношений.

Тем не менее, хотя речь шла не о «живом», «конкретном», или «эмпирическом», индивиде, а о «родовом» человеке, это была концепция морали, повернутая к человеку. Мораль репрезентировала обществу и конкретному человеку не историю в ее перспективе,

а самого человека, и рассматривалась А.А. Гусейновым как выражение и утверждение человечности в общественных отношениях.

Это понятие морали можно было бы назвать *социально-персоналистским*.

Находясь на позициях этого понимания морали, А.А. Гусейнов обратился в конце 1980-х гг. к частной и даже прикладной на первый взгляд проблеме этики ненасилия. Собственно говоря, именно ему принадлежит заслуга внедрения в позднесоветский философско-публицистический контекст идеи ненасилия и институционализации последовательных разработок в этой области.

В 1980-е гг. получили дальнейшее развитие и его историко-этические исследования. Уже в начале 1970-х гг. необходимость разработки курса лекций по истории этики на кафедре этики философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова привела А.А. Гусейнова к углубленному изучению античной этики и в особенности этического учения Аристотеля. Надо отметить, что А.А. Гусейнову принадлежит почти исключительная заслуга в нашей литературе историко-философской разработки этики Аристотеля. Благодаря ему традиция этического аристотелизма оказалась внедренной в советскую, а затем российскую этику. А.А. Гусейнов вообще вывел на новый уровень историко-этические исследования как своими собственными работами, посвященными различным мыслителям, так и инициацией ряда коллективных историко-философских проектов. В связи с этим нельзя не упомянуть новаторскую для своего времени книгу А.А. Гусейнова «Великие моралисты» [А.А. Гусейнов, 1995], в которой были представлены этические учения великих учителей человечества (в 2009 г. эта книга вышла вторым изданием в существенно расширенном виде [А.А. Гусейнов, 2009]). В конце 1980-х — начале 1990-х гг. А.А. Гусейнов проводит фундаментальные исследования этики А. Швейцера, Л. Толстого, И. Канта.

3

Эта огромная, в первую очередь внутренняя, работа имела результатом формирование у А.А. Гусейнова нового видения морали, меняющего понимание природы и способов выражения моральной императивности, статуса морального субъекта и функций морали в сфере ценностей и в культуре в целом. Со второй половины 1990-х гг. во взглядах А.А. Гусейнова на мораль стали появляться новые акценты и моменты, постепенно усиливающиеся и развивающиеся и, наконец, сложившиеся в некий идейный комплекс, который самим А.А. Гусейновым обозначается как «негативная этика». Результаты его творческих обретений заключались в следующем: а) моральные повеления, или императивы, носят абсолютный характер; б) приоритетным и существенным выражением моральной

императивности является запрет; в) моральная императивность специфическим образом передается посредством сослагательного наклонения; г) исполнение запрета воплощается в сознательном и принципиальном отказе от совершения запрещаемого, и это обнаруживается в особом рода поступках, а именно в «негативных поступках»; д) они представляют суть морали как сферы индивидуально-ответственного поведения.

Не имея возможности обстоятельно представить концепцию негативной этики, считаю нужным дать краткий комментарий относительно нее, точнее, той ее части, которая связана с абсолютностью морали, с абсолютным характером моральных требований. Для меня интересно то, что концепция абсолютной морали позволяет по-другому взглянуть на многочисленные в работах А.А. Гусейнова 1970-х гг. «вступления» и «отступления» этико-идеологического свойства. В них, конечно, решались какие-то собственно идеологические и пропагандистские (контрпропагандистские) задачи. Но помимо этого в них очевиден и пафос иного рода — устремленности к идеалу, противопоставления идеала реальности, выведения морали из-под обусловленности социальной конъюнктурой, конкретно-социальной необходимостью, авторитарным распоряжением. В этом контексте становятся понятными и довольно резкие нападки А.А. Гусейнова в 1980-е гг. на получившую развитие в какое-то время в рамках этико-прикладных поисков концепцию «управления процессом нравственного воспитания» и, шире, морали как способа социального управления. В тех исследовательских начинаниях он увидел опасность подчинения морали прагматике насущного политического или хозяйственного интереса и, следовательно, утраты морали как таковой. Концепция абсолютной морали позволяет по-другому оценить и этический историцизм раннего А.А. Гусейнова: историцизм позволял уберечься от требований идеологической сервильности, оторваться от заскорузлого реализма, почувствовать возможную основу индивидуальной автономии и моральной свободы.

Это сопряжение мной концепции абсолютности морали с идеологическими и теоретическими взглядами А.А. Гусейнова 1970—1980-х гг. побуждает проделать обратное мыслительное движение и поставить вопрос о возможной природе абсолютности морали. Как-то в одной из бесед в конце восьмидесятых годов Абдусалам Абдулкеримович в ответ на вопрос о природе всеобщности моральных требований высказал (с неявной полемичностью к универсалистской этике) предположение, что всеобщность является конкретно-исторической характеристикой определенного типа морального сознания, а именно буржуазного морального сознания. Вводимое опосредованно к негативному поступку и сослагатель-

ной модальности морального мышления свойство абсолютности может трактоваться в аналогичном ключе: не есть ли это фигура осознания и переживания морали, не рефлексивная ли это метафора самого морального сознания? Наиболее яркий образ абсолютности морали дан А.А. Гусейновым в его анализе ветхозаветной этики: «Мораль уходит корнями в непостижимые глубины бесконечности. Она абсолютна. До такой степени абсолютна, что сама эта абсолютность становится ее специфическим признаком. Эта особенность морали на языке ветхозаветного человека получила выражение в том, что ее требования выступают как заповеди Бога» [А.А. Гусейнов, 1995, с. 80]. Слова эти сказаны в одной из наиболее популярных книг А.А. Гусейнова — «Великие моралисты», написанной в целом до того, как сложилась концепция негативной этики, однако предполагаемое в них понимание абсолютности — «абсолютность становится ее специфическим признаком», «требования выступают как заповеди Бога», — скорее, подтверждает допущение ее эпифеноменального характера. Моральный субъект не может говорить ни об абсолютной морали, ни тем более от имени абсолютной морали, но он может мыслить, мотивироваться и поступать в режиме абсолютной морали.

Важнейшим практическим коррелятом представления об абсолютной морали, считает А.А. Гусейнов, является принцип ненасилия, и концепция абсолютной морали находит продолжение и дополнение в *этике ненасилия*. Как хорошо видно по трудам А.А. Гусейнова, признание безусловного и приоритетного значения за принципом ненасилия оказывается возможным в рамках такого представления о морали, когда последняя мыслится абсолютной во всех своих проявлениях. Так что это понятие морали точнее следовало бы называть *негативно-абсолютистским*.

* * *

Три понятия морали — социально-историцистское, социально-персоналистское и негативно-абсолютистское — эти идейные синтезы, или концептуальные узлы, не столько разделяют творчество А.А. Гусейнова на некие отдельные этапы, сколько стягивают и (потенциально) скрепляют его. Этика А.А. Гусейнова — это незавершенный проект. Причем в двояком смысле. Во-первых, в очевидном экзистенциальном смысле как выражение естественно и активно продолжающейся творческой жизни. А во-вторых, по существу высказанных идей и динамично эволюционирующих концепций.

В моем представлении этих идей и их эволюции я менее всего хотел бы сделать акцент на этапность в творчестве А.А. Гусейнова, на взаимной обособленности возникавших на разных этапах кон-

цепций морали. И в моем усмотрении в этическом абсолютизме позднего А.А. Гусейнова отдаленного отзвука идеологического морализирования (несомненно, замешанного на искреннем моральном идеализме) и этического историцизма А.А. Гусейнова раннего нет никакой игры. В самом деле, я убежден, что рассмотренные три понятия морали каким-то образом взаимодополнительны актуально и потенциально:

— концепция абсолютной морали может быть достроена теорией происхождения морали, вмещающей в себя изначальный для нравственности переход от талиона к золотому правилу;

— концепция «негативного действия» и запретительной императивности может быть соединена с представлением о морали как мере человечности социальных и коммуникативных связей, выраженной в совокупности тех самых первичных нравственных отношений;

— концепция индивидуальной ответственности совершаемых человеком нравственных поступков может быть переосмыслена и в терминах активного действия, актуально осуществляемой справедливости и действенной заботы.

По-своему, как мне кажется, эти теоретические возможности осознаются как задачи и самим А.А. Гусейновым, когда он задается — в разных работах — чрезвычайно сложным методологическим вопросом о том, насколько возможно совмещение в единой этической теории традиций кантианства и аристотелизма.

Эта устойчивая модальность возможности в творчестве А.А. Гусейнова лишь удостоверяет незавершенность его философского проекта, траектория продолжения которого ждет его решений и его свершений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гусейнов А.А.* Проблема происхождения нравственности (на материале развития института кровной мести) // *Философские науки*. 1964. № 3.
2. *Гусейнов А.А.* Введение в этику. М., 1985.
3. *Гусейнов А.А.* Великие моралисты. М., 1995.
4. *Гусейнов А.А.* Великие пророки и мыслители: Нравственное учение от Моисея до наших дней. М., 2009.